

Чэнь Фушэн просиял, в одно мгновение забыв о всякой боли. Окрыленный, он помчался к западной флигелю.

Стоило ему распахнуть дверь, как он увидел в полумраке человека в фиолетовом одеянии, который, ссутулившись, прислонился к спинке кровати под пологом из грушевого дерева. Чэнь Фушэн тут же залился слезами.

— Ох, небо сжалилось! Предки смилостивились! Господин Бай, вы наконец очнулись!

Бай Линъюнь медленно поднял голову, прищурился, с недоумением оглядел Чэнь Фушэна, а затем перевел взгляд на собственную одежду.

— Господин Бай? — осторожно позвал Чэнь Фушэн, заметив странное выражение лица собеседника.

Бай Линъюнь дернул веками, резко сбросил одеяло и спрыгнул с кровати. К изумлению Чэнь Фушэна, он вскричал в тревоге:

— Почему не сказали раньше, что сегодня вечером мы даем Нить пеньки?

Чэнь Фушэн вздрогнул от неожиданности, а Цянь Эр и вовсе остолбенел. Неужели это тот самый вечно холодный господин Бай, от которого слова лишнего не дождешься?

— Тот самый... господин Бай, а что такое Нить пеньки?

Услышав это, Бай Линъюнь едва не захлебнулся от возмущения. Что за люди? Даже репертуара не знают!

— Кто вообще набрал вас, таких бестолковых? Где Тан Фэн? Куда он опять запропастился? Который час? Быстрее гримироваться! И почему в комнате так темно? Свет включите!

Бай Линъюнь говорил так быстро и раздраженно, что Чэнь Фушэн и Цянь Эр совершенно растерялись. Засуетившись, они бросились зажигать лампы и искать костюмы.

Когда комната озарилась светом, все трое застыли. Бай Линъюнь вытаращил глаза:

— Вы кто такие?

Его голос взлетел на самую высокую ноту, выдавая крайнее изумление. Что происходит? Кто эти люди в серых куртках, изможденные и явно страдающие от недоедания?

Чэнь Фушэн и Цянь Эр переглянулись, увидев на лицах друг друга точно такое же недоумение. Бай Линъюнь потер веки и снова принялся внимательно, до мельчайших деталей, изучать стоящих перед ним людей. Раньше было слишком темно, и он принял их за временных помощников, нанятых Тан Фэном, но теперь всё выглядело иначе.

Бай Линъюнь выступал на сцене с семи лет. За двадцать лет карьеры он переиграл тысячи образов, повидал все человеческие пороки и добродетели, и ему достаточно было одного взгляда, чтобы отличить правду от лжи. Поэтому, видя перед собой людей в грубых льняных одеждах, он испытал шок, который невозможно было сдержать.

Чэнь Фушэн набрал побольше воздуха и подмигнул Цянь Эру. Неужели господин Бай повредился рассудком?

Цянь Эр покачал головой. Оправившись от первого потрясения, он среагировал быстрее и, хитро сверкнув глазами, улыбнулся:

— Должно быть, господин Бай сильно перепугался и временно потерял память. Вы же наша главная звезда в Шэнфубань, вам нужно сохранять ясность ума.

Бай Линъюнь нахмурился и снова посмотрел на свою одежду. В потемках фиолетовый халат показался ему сценическим костюмом Линь Ньюфэнь из Нити пеньки, но теперь, при свете, стало ясно: это совсем не театральное облачение. Длинный халат с сине-фиолетовым отливом и застёжками-узлами, золотистые узоры на воротнике и манжетах, тонкая ткань с едва заметным блеском — это был шелк высочайшего качества.

Бай Линъюнь вздрогнул: ткань неприятно холодила кожу. Как только он осознал это, холод стал пробираться до костей, словно ледяной ветер гулял по рукавам и подолу.

Цянь Эр, отличавшийся особой проницательностью, тут же схватил плащ с кресла и накинул его на плечи Бай Линъюня.

— Беда, жар-то не спал! Скорее ложитесь отдыхать, — он выразительно взглянул на Чэнь Фушэна.

Чэнь Фушэн, десятилетиями кочевавший с труппой, был далеко не глуп. Поняв намек, он бросился помогать: поправлял постель, подтыкал одеяло и то и дело извинялся:

— Раз вам нездоровится, может, снова пригласить ученого Ху? Мне показалось, после его отвара вам стало заметно лучше.

Бай Линъюнь, пребывая в полной прострации, позволил уложить себя обратно на кровать. Господин Бай... К актерам так обращались только в низах общества. Но даже среди них существовала строгая иерархия, и титул господина получал лишь тот, кто пробился на

вершину, проходя через пот, кровь и слезы. Такие артисты были любимцами знати, их носили на руках и осыпали золотом.

Видя, что Бай Линъюнь молчит, Чэнь Фушэн и Цянь Эр, не зная, что предпринять, переглянулись и тихо вышли.

Когда деревянная дверь, обтянутая бумагой, закрылась, в комнату ворвался порыв холодного ветра. Бай Линъюнь поднял голову и почувствовал, как ледяной ужас проникает в каждую клетку его тела. Он судорожно сжал пальцами тонкое грубое одеяло.

Бумажные окна, деревянные двери, дешевая ткань — всё это было чуждым, не из его времени.

Он медленно повернул онемевшую шею, осматривая комнату. Полчаса он просидел неподвижно, а потом, словно что-то вспомнив, резко поднял руки. В тусклом свете было видно, как сильно они дрожат. Он пошевелил пальцами, осмотрел ладони и нахмурился.

Скинув одеяло, он встал и ступил босыми ногами на холодные кирпичи пола. Мороз пронзил его насквозь. Это был не сон.

Комната была маленькой и бедно обставленной, лишь туалетный столик из красного дерева у окна казался необычайно роскошным. Бай Линъюнь долго смотрел на него, а затем, пошатываясь, сел на стул. Даже в полумраке он смог разглядеть свое отражение: брови-листочки, глаза феникса, прямой нос, алые губы.

Это лицо было ему до боли знакомо. Это был он сам, в юности.

Прижав ладонь к пульсирующему виску, он пытался понять, что происходит. Он ведь был на гастролях в стране Х, только что отдыхал в гримерке... Как он здесь оказался? Он не мог подобрать слов для описания ситуации. Люди в льняных куртках, обстановка — всё указывало на одну эпоху: Китайская Республика.

Бай Линъюнь с силой потер виски, чувствуя полное бессилие и страх перед неизвестностью. От напряжения голова разболелась еще сильнее, подступила тошнота. Не успев даже отвернуться, он почувствовал спазм в горле, и кислая желчь выплеснулась на одежду.

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошел худенький юноша с подносом из красного дерева. Увидев состояние Бай Линъюня, он испуганно воскликнул:

— Господин Бай, что с вами?